«ОН РОДИЛСЯ, ЧТОБЫ БЫТЬ АКТЕРОМ»

20 мая исполнилось ровно 10 лет, как от нас ушел **Виктор Андреевич Борцов** — чудесный человек, великий артист, один из лучших в истории **Малого театра.** Вспоминая его в этот день, хочется обратиться к истокам творческой биографии Борцова, поговорить о некоторых ролях мастера.

Виктор Андреевич Борцов красив, как Зевс-олимпиец — высокий рост, стать, орлиный нос, голубые глаза... Неудивительно, что многие режиссеры, с которыми сводила артиста судьба, шли по пути наименьшего сопротивления, предлагая ему роли романтических героев. Еще школьником Борцову довелось сыграть и Жадова в «Доходном месте», и пушкинского Самозванца. А он мечтал о характерных ролях, о Тихоне и Кудряше. Но играл Бориса.

Вспоминается давний разговор.

— Виктор Андреевич, откуда у вас любовь к простакам? Ведь это амплуа совершенно не соответствует вашей внешности!

— Да, это трагедия моей жизни... Ну, не трагедия – проблема. Как у каждого человека, полюбившего театр, все началось очень рано, еще в детском возрасте.

Виктор Борцов родился и вырос в Оренбурге. Он рано лишился матери, отца же арестовали в 1937 году — доносчик претендовал на комнату, в которой жила семья. *«...Были времена, когда по улицам вели заключенных. Этапом. И с собаками. В Сибирь, пешочком».*

Через год Андрея Сергеевича Борцова выпустили из тюрьмы, впоследствии он работал на предприятии Заготзерна. Во время войны отец женился во второй раз. Витю в основном воспитывала бабушка. 14 июня 1941 года ему исполнилось семь лет, а вскоре началась война. Вспоминая о тех страшных днях, многие рассказывают, как моментально опустели полки в магазинах — люди скупали все. В основном, конечно, продукты. А в Оренбург как раз привезли книги. Витя несколько часов отстоял в очереди, зажав деньги в кулачок. Он еще не умел читать и взял первую попавшуюся книжку. Впрочем, теперь его выбор не кажется случайным — это оказалась сказка о театре.

Оренбург военных лет можно по праву назвать культурным центром Приуралья — в город, находившийся в глубоком тылу, были эвакуированы театральные коллективы со всего Советского Союза. Витя оказался благодарным зрителем — он ходил и в цирк, и в оперетту, и в кукольный театр, а позже и в драму. Виктор Андреевич помнил свои пер-

Виктор Борцов. 1992

вые театральные впечатления. Пьеса называлась «Серебряный кролик». *«Это я смотрел в таком возрасте, что, когда сказали: «Я вам сейчас открою страшную тайну», – я у отца спросил: «Что такое «тайна»?» Но тогда я не сказал, что буду артистом, надел, правда, бабушкино платье и станцевал канкан на крыльце, что было воспринято как заболевание».*

Самодельный кукольный театр, радиопередачи «Театр у микрофона», «Сорочинская ярмарка», поставленная вместе с друзьями и сыгранная на коммунальной кухне у бабушки, — в конце концов, Витя пришел в Дом пионеров, где начал заниматься в нескольких драмкружках сразу. Репертуар составляли пьесы, печатавшиеся в журнале «Пионерский затейник», — «Страшный враг», «Дружба», «Снежок»... Ставили и классику, например, «Невольниц» А.Н. Островского, где Борцову достался Мулин. *«В Доме пионеров я сыграл ролей 10 комедийных, и с этого все началось».*

Причина, по которой ему перестали давать характерных персонажей, была банальной: мальчик сильно вырос. К этому времени он уже занимался в ТЮЗе, где *«на простака назначали другого. Я очень переживал, когда мне, ученику 7-го класса, дали Жадова. По-моему, это ошибка, это говорит о том, что преподаватель ставит спектакль для себя. Поэтому я стал читать с эстрады».* В свой репертуар Борцов включал стихи Твардовского, рассказы Шолохова и Виктора Ардова.

В десятом классе он уже выходил в небольшой роли на сцену Оренбургского областного драматического театра им. М. Горького. Там в это время служил еще один артист, которому суждено было стать знаменитым. Борцову он запомнился ролями молодого Ленина и Петьки в пьесе о Чапаеве. Звали артиста Леонид Сергеевич Броневой.

...Решение Борцова поступать в театральное училище не удивило даже военкома, которого Виктор, как военнообязанный, должен был поставить в известность о своих планах. «В артисты? Туда тебе и дорога!» И летом 1953-го Виктор Борцов поехал в Москву. В тот год курс в Щепкинском училище набирала легендарная Вера Николаевна Пашенная. Борцов поступил сразу. ...Еще в

Шванця в спектакле «Любовь Яровая». 1963

первом классе, посмотрев утренник в оперетте, он подошел к отцу и тихо сказал: *«Наверное, я буду артистом...»* Напророчил!

Курс, на котором учился Борцов, помимо самого Виктора Андреевича, подарил Малому театру еще троих замечательных мастеров — Романа Филиппова, Алексея Эйбоженко и Юрия Соломина, нынешнего художественного руководителя ГАМТ. Юрий Мефодьевич Соломин — крайне занятой человек, чье время расписано по минутам, но о Борцове мы проговорили целый час.

«О нем надо писать большие тома, книги. Познакомились мы в 1953 году. Когда в Щепкинском училище проходят отборочные туры, абитуриентов обычно делят на десятки. Мы с Борцовым и Романом Филипповым по-

пали в одну десятку, и потом все приемные экзамены сдавали вместе. Виктор сразу произвел на меня определенное впечатление, потому что он прирожденный артист, — во-первых, у него были великолепные данные, а во-вторых, я слышал, как он читал. А потом мы вместе учились четыре года, жили в общежитии — семь человек в одной комнате...

Артист он прекрасный и очень самобытный, каких не только в Малом театре, но вообще мало. Борцов самобытен во всем: вся его логика, его жизнь и психология необычны, очень честны и бескорыстны. У Виктора театр всегда стоял на первом месте. Это началось еще со студенческой скамьи. Нет такого спектакля, который бы он не посмотрел за время учебы. Уже работая в Малом, он ездил на все премьеры Товстоногова в тогдашний Ленинград. Он все знает о театре, это удивительно!»

Впрочем, любовь Виктора Андреевича к искусству частенько имела курьезные последствия.

«Когда шла сессия, — продолжает Юрий Соломин, — и на следующий день предстоял экзамен по истории КПСС или еще что-нибудь, мы вечером и ночью готовили шпаргалки, предварительно распределив, кто что будет писать. Борцову тоже полагалось что-то написать, но его не было ни в 10, ни в 11, ни в 12 часов ночи... Он мог прийти в час, когда мы, бездыханные, без каких либо ощущений и эмоций, уже лежали по кроватям, — открывалась дверь и в проеме, свет оттуда падал, появлялся Борцов. Очень долго вздыхал, кряхтел, искал, на кого бы направить свои эмоции, — ему нужно было выговориться! Моя кровать стояла у окна. Он подходил ко мне, смотрел, потом присаживался, чтобы понять, сплю я или нет, но, в конечном счете, всегда заговаривал. К примеру, вот это я запомнил, как он долго сидел, кряхтел, а потом сказал: «Был во МХАТе... Видел Ливанова». (Ливанов был его любимцем.) Тут все соскакивали с кроватей, начинали кричать, что мы в поту, как негры работали, писали шпаргалки!.. Борцов молча выслушивал, а у нас был однокурсник Игорь Карпов, старше остальных, отслуживший армию, мы ему доверяли, и он говорил: «Не давать ему шпаргалок, пусть как хочет, так и сдает!» И рано утром мы уходили, засовывая шпаргалки во все места, куда только можно, а Виктор спал детским сном, не думая ни о каких экзаменах. И когда все уже было позади — часов в двенадцать, после хорошего завтрака, появлялся розовый, улыбающийся Борцов и спрашивал: «Ну, как там?» Но уже были получены устраивавшие всех отметки, и мы говорили: «Ну ладно, дайте ему тоже шпаргалки!» ...Честно говоря, я ему завидую, потому что столько, сколько видел он... Теперь думаешь: «Надо было в ЦДРИ пойти, в Дом актера, посмотреть тот спектакль, другой спектакль», и так далее, и тому подобное... Борцов был свободен, как птица. Конечно, есть обязанности, есть дом, — это все понятно. И все равно внутренне, я вижу, он свободный человек, как Петя Трофимов говорит: «Я свободный человек!»

На сцену Малого театра Виктор Борцов впервые вышел студентом IV курса. Шло лето 1957 года, только-только началась хрущевская оттепель. Среди реабилитированных вскоре после XX съезда оказался публицист Виктор Кин (Суровикин), расстрелянный в 1937 году. Особой популярностью пользовался в 50-е его роман «По ту сторону», посвященный героям Гражданской войны на Дальнем Востоке. Был снят одноименный фильм, а в Малом театре Андрей Александрович Гончаров поставил спектакль «Когда горит сердце». Премьера была приурочена к Международному фестивалю молодежи и студентов в Москве. Главные роли репетировали молодые актеры Виктор Коршунов и Никита Подгорный, но в связи с их занятостью на съемках назначили второй состав. Юрия Соломина взяли дублером Подгорного, Виктор Борцов разделил роль с Коршуновым.

...Сюжет был прост — два комсомольца, Безайс (Соломин) и Матвеев (Борцов), пробираются через Сибирь на Дальний Восток, чтобы по заданию партии организовать там революционное подполье. В Хабаровске они вступают в борьбу с белогвардейцами, Матвеев лишается ноги, но продолжает сражаться, как может, — расклеивает листовки. В финале герой погибает.

«Спектакль был очень сильный и яркий, он делался по заказу комитета комсомола Малого театра, чтобы там играла одна молодежь».

Несколько лет после «Когда горит сердце» Борцову давали только вводы или совсем небольшие роли: *«...играли детей в «Песне о ветре», других спектаклях. Как всегда, доля начинающего артиста – играть сначала очень молодые роли, как говорится, до грудных младенцев»*. Впрочем, в Малом быстро разобрались с амплуа Борцова, разглядев во внешности лирического героя черты простака. Борцов стал получать характерные роли, сыграв одного за другим **Горецкого** в «**Волках и овцах**» **А.Н. Островского**, **Швандю** в «**Любови Яровой**» **К. Тренева** и **Валерьяна** в пьесе **Виктора Розова** «**Перед ужином**».

Революционный матросик Швандя, весельчак и балагур, чьим прототипом послужил знаменитый полярник Иван Папанин, был и остается мечтой многих комедийных артистов. Не стал исключением и Борцов. Из интервью Виктора Андреевича оренбургской газете «Южный Урал»: *«Рассказ Михаила Шолохова «О Колчаке, крапиве и прочем» в какой-то степени определил поворот в моей жизни. С этим рассказом товарищи привели меня к Игорю Ильинскому. И он сказал: «Надо готовить Швандю». Правда, Швандю я сыграл много позже, но фраза такая была»*.

Борцов шел к одному из своих любимейших персонажей целых три года. За время, прошедшее со дня премьеры «Любови Яровой» (постановка **Игоря Ильинского** и **Вениамина Цыганкова**), он успел сыграть в этом спектакле второстепенные роли **Рабочего, Гражданина** и красноармейца **Григория**. Швандя случился внезапно – заболел Виталий Дмитриевич Доронин. В театре знали, что Борцов еще в детстве играл Швандю, но ведь в драмкружке тогда поставили не пьесу целиком, а только небольшую сценку!

...Он ввелся на эту роль, сложную и разноплановую, большую по объему, всего за два дня, поразив режиссера и партнеров сплавом яркого комического и лирического дарования, не говоря уже о феноменальной памяти.

«...Когда я сыграл Швандю, Грузинский сказал: «Его Пашенная не раскрыла, а он сам себя раскрыл».

А вот что написал Игорь Ильинский в своей книге «Со зрителем наедине»: «В спектакле «Любовь Яровая» очень хорошо сыграл роль Шванди – роль, в которой сочетаются юмор и романтика, – актер Малого театра Виктор Борцов. Образ молодого матроса, поднятого волной Октябрьской революции, получился у него пылким, непосредственным. В. Борцов хорошо несет чистоту этого образа, веру в революцию».

* * *

Сниматься в кино и на телевидении Борцов начал еще в 1959 году. Среди фильмов с его участием – «**Песнь о Кольцове**», «**Первый троллейбус**», «**Верьте мне, люди**», «**Баллада о старом оружии**», «**И снова Анискин**», «**Визит дамы**», «**Дневной поезд**», «**Гардемарины, вперед!**», «**Хождение по мукам**»... Перечислить все работы Виктора Андреевича просто невозможно. Но о его главной кинороли разговор особый.

...Вы можете жить в Саратове, Иркутске, Мышкине, никогда не побывать в Москве и, соответственно, в Малом театре, но при наличии телевизора вы хотя бы раз в жизни видели «**Покровские ворота**». За прошедшие десятилетия фильм разлетелся на цитаты, прямо как «Горе от ума». Кто же не помнит: «Я вся такая внезапная, вся такая противоречивая», «высокие, высокие отношения», «натюрлих, Маргарита Павловна!», и – надпись на часах мужу: «Спасибо за сладостные секунды!» Этот сомнительный комплимент выгравировал по заказу дамы Савва Игнатьевич Ефимов. Кстати, фамилия Саввы в народном сознании как-то не прижилась, да и зачем она эпическому герою?! Большой, красивый, жизнерадостный и простодушный, Савва Игнатьевич – находка для любой женщины: и мастер на все руки, и подчиняется беспрекословно. Его совершенно не смущает существование бок о бок с недотепой Хоботовым, первым мужем Маргариты Павловны. «В нем есть нечто подлинное», – говорит после знакомства с Саввой потрясенный Глеб Орлович, и с ним нельзя не согласиться.

«Покровские ворота», помимо прочих достоинств, отличает великолепный ак-

«Украли консула!» Пэпино — Ю. Соломин, Чино — В. Борцов. 1964

терский состав. Партнерами Борцова были Олег Меньшиков, Инна Ульянова, Анатолий Равикович, Леонид Броневой, Софья Пилявская, Елена Коренева, Елизавета Никищихина, Игорь Дмитриев, Татьяна Догилева... Отдать предпочтение кому-нибудь из них было бы несправедливо, и все же **Инна Ульянова**, сыгравшая Маргариту Павловну, советский вариант femme fatale, стоит особняком.

«Мы тогда впервые встретились в работе. Меня поразила одна вещь — огромный патлатый мужчина с удивительно детским выражением глаз. Он на редкость порядочный человек во всем — в отношениях с партнером, с режиссером, в быту. Мне надо было играть любовь, ну, это естественно, ведь Савва Игнатьевич нравился Маргарите Павловне, — и я себя ловила на том, что мне не приходится особенно насиловать свою природу. Нет, не потому что я была влюблена, просто было приятие этой личности — наивной, в чем-то бесконечно трогательной. На съемках меня совершенно потрясло бережное и достойное отношение Виктора Андреевича к своей профессии. Я видела, как он точен, собран, знает все, что касается дела. К концу съемок мы подружились, потому что Броневой Лёнечка немножко другого склада, Равикович все время был в разъездах... С Виктором мы и сейчас перезваниваемся, обмениваемся впечатлениями о спектаклях. Первый, кого я зову на свои просмотры, пробные еще, ну, знаете, чтобы сидел «свой» человек, чтобы было понятно, — это Виктор Андреевич. Потому что у него есть и чуткость, и знание профессии, и я уверена, что если он даст какой-то совет, то это всегда «до дела». Ведь партнерство — это не только любезность и хорошие взаимоотношения, это еще и умение видеть. Он — видит. Он не обо всем говорит, но мимо него ничего не проходит. Он трогательный, потрясающий человек. Общаться с ним — одно удовольствие».

– Инна Ивановна, почему Маргарита Павловна, «женщина сказочного ума», предпочла человека, на несколько, если не на много, интеллектуальных ступенек ниже себя?

— Знаете, Оленька, я ведь над этим не задумывалась... Но мы ведь еще забываем ту сторону, Хоботова — изнервленного интеллектуала: «Тебе бы любой в редакции щелчки давал, убогий, и ты бы загнулся, если бы не я!» Хоботов говорит: «Ну да, у него же все в руках горит!» — «Это у тебя горит, а у него все работает!» И ведь Савва Игнатьевич еще крепкий мужчинка! Тогда он был просто роскошный, особенно за станком. Он еще и музыкален, паразит, «Розамунду» пел он сам. И то, что Маргарита Павловна держит обоих, это не какой-нибудь там Фрейд, это обыкновенная ситуация, поскольку Хоботов одинок, поскольку — интеллект, поскольку Рембо, Вийон и тому подобное, а у этого — дрель».

Справедливости ради замечу, что в одном из интервью **Михаил Козаков** дал куда менее эротичную, но тоже интересную трактовку поведения Маргариты Павловны: Хоботов — это интеллигенция, Савва Игнатьевич — простой народ, а сама Маргарита Павловна — Советская власть. В общем, «истина где-то рядом».

* * *

Свою первую чеховскую роль Виктор Борцов сыграл непростительно поздно. Так уж случилось, что Чехов, чьи ранние пьесы предназначались именно для Малого, смог занять достойное место в репертуаре нашего театра только во второй половине прошлого века — в 1959 году Борис Бабочкин поставил «Иванова», в 1988-м Борис Морозов — «Лешего», а в 1993-м Сергей Соловьев — «**Дядю Ваню**». В соловьевском спектакле, тонком, изящном и неторопливом, пронизанном осенней чеховской тоской и горечью крушения надежд, Борцов сыграл **Илью Ильича Телегина**, «по причине рябого лица» прозванного Вафлей. Этот Вафля — одинокий обедневший помещик, сразу после свадьбы брошенный женой и отдавший все свое состояние ее детям, рожденным вне брака. Имение, в котором разворачивается действие пьесы, принадлежало когда-то дяде Ильи Ильича, и теперь он приживал у Войницких.

Добрый, трогательный и наивный идеалист, привыкший ставить чужие интересы выше собственных, Телегин-Вафля вобрал в себя черты не только своего «предшественника» Дядина-Вафли, но и Ивана Ивановича Орловского — Сонин «крёстненький» и оговорка Елены Андреевны, назвавшей Телегина Иваном Ивановичем, — прямая отсылка ко «всеобщему утешителю» из «Лешего». Но, в отличие от персонажей «Лешего», борцовский Вафля изначально чувствует всю бесперспективность попыток примирить близких ему людей, и его восторженная реплика «Погода очаровательная, птички поют, живем мы все в мире и согласии — чего еще нам?» — так и повисает в воздухе.

Из почти трех часов, что шел спектакль,

Матвеев в спектакле «Когда горит сердце». 1957

Борцов находился на сцене от силы минут тридцать, а все Вафлины реплики могли бы уместиться на полутора-двух страничках. Но для создания образа актеру достаточно было нескольких точных штрихов. Вот Вафля, держась на почтительном расстоянии от Серебряковых, появляется в саду; на нем измятый мешковатый костюм и нелепая панама. Большой и неуклюжий, он все время жмется по углам, боясь показаться назойливым и помешать. Порой в нем просыпается чувство собственного достоинства, и Вафля начинает отстаивать перед дядей Ваней свои наивные идеалы или давать отповедь Елене Андреевне, не знающей его имени-отчества. Но в большинстве случаев он просто покорно тушуется, не

будучи в состоянии противостоять ни грубости дяди Вани, ни хамству Астрова. Есть что-то детское в том, как во время беспорядочной пальбы дяди Вани по профессору Серебрякову Вафля пытается спастись, взобравшись на садовую скамейку.

Борцов играл изумительно, лишний раз подтверждая старую театральную истину, что маленьких ролей не бывает. Его Вафля — такая же бесспорная удача спектакля, как дядя Ваня Юрия Соломина, Серебряков Юрия Каюрова или старая нянька Марина Елизаветы Солодовой.

* * *

...И, конечно же, любимый автор Борцова, — Александр Николаевич Островский. В репертуаре Малого театра его пьесы занимают особое место: *«Мне кажется, что сейчас кроме Островского вообще ничего не надо ставить»*. Артист, чье имя — Виктор Борцов — словно взято у самого драматурга, в свое время играл **Петра** в «**Лесе**», **Досужева** в «**Доходном месте», Ахова** в пьесе «**Не все коту масленица**». Первой «островской» ролью Борцова стал бесшабашный **Клавдий Горецкий**. А спустя сорок с лишним лет «Волки и овцы» вернулись в репертуар Виктора Андреевича — в постановке, осуществленной режиссером Виталием Ивановым, артист сыграл одного из центральных персонажей, богатого помещика **Михаила Борисовича Лыняева**.

В «островском» репертуаре Виктора Борцова купец **Большов** из спектакля «**Свои люди — сочтемся!**» (режиссер **Александр Четвёркин**) занимает особое место. В большинстве пьес драматурга, разбирая того или иного персонажа, следует плясать от печки, то бишь от имени героя. Однако «Самсон Силыч Большов» — такое же имя-обманка, как, скажем, «Сила Ерофеич Грознов» в «Правде — хорошо, а счастье лучше». В отсылке к библейскому персонажу заключены уязвимость и двойственность замоскворецкого купца: Самсон Большов совсем не то, чем кажется самому себе. Он абсолютно искренен, когда распекает стряпчего Рисположенского (великолепная работа Владимира Носика) за пристрастие к «рюмочке», хотя для Самсона Силыча трезвость тоже не является нормой жизни. Лежащая в основе сюжета афера — объявить себя банкротом, чтобы не расплачиваться с кредиторами, — вызвана исключительно жадностью Большова. «Самсон Силыч купец богатейший, — рассуждает приказчик Лазарь Елизарыч, — ...все это дело... так, для препровождения времени затеял». Однако погоня за барышом не мешает Большову оставаться по-своему совестливым человеком: «У меня кредиторы богатые, что им сделается!» — говорит он в свое оправдание.

Двойственность персонажа читается и в его манере одеваться: вернувшись из города, куда он ездил по делам, Большов снимает цилиндр, скидывает элегантное летнее пальто, под которым обнаруживается простая рубаха, — и моментально из европейца, барина превращается в самого заурядного мужика.

И вообще, есть в этом незадачливом аферисте что-то детское. Непосредственность, с которой Самсон Силыч упоминает о своем «расходившемся геморрое», просто умиляет. И еще — поразительная доверчивость Большова-Борцова: и Лазарь, и Рисположенский всем ему обязаны, называют своим благодетелем, — значит, не подведут! Впрочем, Лазарю все же устраивается проверка: нужно видеть, с каким неподдельным любопытством Самсон Силыч, надев очки, разглядывает пущенную приказчиком слезу — последнее доказательство его преданности хозяину. А, убедившись, что Подхалюзин — «свой человек», готов в придачу к дому и лавкам отдать ему в жены единственную дочку Липочку.

Тема дочери возвращает нас не только к ветхозаветному Самсону, погибшему из-за женской подлости, но и к королю Лиру. И если в первых трех действиях Самсон Большов воспринимается как чисто комедийный персонаж, то в финале эта роль окрашивается в трагические тона. Островский отводит Самсону Силычу и Липочке всего шесть общих сцен, причем в одной из них персонажи даже не обмениваются репликами.

Самсон Большов в спектакле «Свои люди — сочтемся!». 1996

...В доме Большовых радостное событие — вот-вот приедет свататься «благородный» жених. Суетится и причитает Аграфена Кондратьевна (Людмила Полякова), Липочка застыла в блаженном оцепенении... И только отец семейства, грузно развалившись в кресле, кажется, не разделяет всеобщей эйфории. На просьбу жены: «Да приголубь ребенка-то, что как медведь бурчишь!» Самсон Силыч, словно нехотя, отвечает: «А как мне еще приголубливать-то? Ручки, что ль, лизать, в ножки кланяться? Во какая невидаль! Видали мы и понаряднее». Вот как такими словами передашь отцовскую любовь?! Борцов, с его трепетным отношением к авторскому тексту, произносит все бранные тирады Большова от и до. Но взгляните артисту в глаза: с какой нежностью любуется Самсон Силыч разряженной, как рождественская елка, Липочкой! И вовсе не из самодурства отдает Большов дочку за приказчика, когда срывается прежнее сватовство, — он уверен, что Липочка будет счастлива с Подхалюзиным.

А они и впрямь чудесно подошли друг другу: «обзавелись торговлей, домишко отделали», нашили Липочке бальных платьев, а обанкротившегося «тятеньку» отправили в долговую яму.

В IV действии Самсона Силыча ненадолго отпускают домой собрать денег и расплатиться с кредиторами. Он настолько подавлен произошедшими с ним переменами, что сперва даже не понимает, что помощи ждать неоткуда. Но если Лазарь хотя бы ссылается на то, что деньги тестя нужны ему как стартовый капитал, то Липочка и не скрывает, что просто хочет жить в свое удовольствие.

«Ничего тяжелого в этой пьесе нет. Просто сам себя человек обманул. Роль позволяет, ее можно играть одной краской – резонер или комик, который потом не возьмет последнюю сцену. Большов ведь с жиру бесится, барыш получить хочет. Из-за этого все и затевается. Потом он доволен, что и дочь замуж выдает, и обманет всех, а кончается тем, что он сам себя сажает в яму. Но того, что делает дочь, Большов не ожидал. Тут уж начинается трагедия...»

Трагедию Борцов играет тихо и скупо — Большов не кричит, никого не проклинает, не боится, что скажут люди, — ему перед Богом стыдно: «Вы подумайте только, каково по Ильинке-то идти. Это все равно, что грешную душу дьяволы по мытарствам тащат. А там мимо Иверской, как мне взглянуть-то на нее, на матушку?.. Знаешь, Лазарь, Иуда — ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем...»

Со сцены артист уходит в полной напряжения тишине — трудно аплодировать, когда ком стоит в горле.

* * *

Александр Коршунов занимал Борцова в двух своих спектаклях по Островскому, «**Трудовом хлебе**» и «**День на день не приходится**»: «Он ничего не просчитывает, не выстраивает свою роль математически, а

всегда идет за интуицией. Как актер Виктор Андреевич необычайно органичен, во всем, что бы ни играл, он всегда убедителен и абсолютно достоверен. Знаете, есть актеры-явления, актеры-личности. Ну, Бог так задумал: родился человек именно для того, чтобы быть актером и никем другим. Про кого-то можно сказать: да, он профессионал, но мог бы заниматься и еще чем-нибудь. А Виктор Андреевич — из тех, кто именно родились артистами».

Борцов служил в Малом театре более 60 лет — и вот уже 10 лет, как его нет с нами. Для всех, кому посчастливилось соприкоснуться с Виктором Андреевичеем, он был и остается носителем замечательных человеческих качеств, эталоном высочайшего профессионализма. За прошедшие годы выросло несколько поколений зрителей, никогда не видевших Виктора Борцова на сцене. Слава Богу, что существуют записи спектаклей с его участием, остались десятки фильмов — vita brevis ars longa.

Ольга ПЕТРЕНКО

Фото из фондов Малого театра

АВТОР СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Ушел из жизни старейший артист Российского академического молодежного театра, народный артист РСФСР **Геннадий Михайлович ПЕЧНИКОВ**, прослуживший этой сцене почти семь десятилетий не только на актерской, но и на режиссерской ниве.

Выпускник первого набора Школы-студии МХАТ, на чьем дипломе стоит подпись О.Л. Книппер-Чеховой, Геннадий Печников получил распределение в главный театр страны, но уже спустя год по приглашению директора Центрального детского театра (как именовался много лет нынешний РАМТ) К.Я. Шах-Азизова перешел в новую для себя труппу и начал плодотвор-

Геннадий Печников